УДК 347.632"18/19"

Selyutina E.N.,
Candidate of Juridical Sciences, Docent, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation, Orel

Селютина Е.Н.,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Орловский филиал, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права (Российская Федерация, г. Орел)

Правовое положение незаконнорожденных в Российской империи во второй половине XIX начале XX века

LEGAL STATUS OF THE ILLEGITIMATE IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY

Results of the research of standard and legal regulation of legal status of the children born out of the marriage in the Russian Empire the XIX-XX centuries, which is carried out by the author within the cathedral scientific subject are presented in the article. The main features of legal status of this category of children are designated, the social and economic conditions and Russian cultural traditions which affected special legal status of illegitimate are noted, the attitude of Orthodox Church towards parents of the illegitimate during the considered period is revealed.

Keywords: legal status, illegitimate, Russian Empire, orphans.

В статье представлены результаты исследования нормативно-правового регулирования правового положения детей, рожденных вне брака в Российской империи XIX-XX вв., проводимого автором в рамках кафедральной научной тематики. Обозначены основные особенности правового статуса данной категории детей, отмечены социально-экономические условия и российские культурные традиции, повлиявшие на особый правовой статус незаконнорожденных, выявлено отношение Православной Церкви к родителям незаконнорожденных в рассматриваемый период.

Ключевые слова: правовое положение, незаконнорожденные, Российская империя, сироты.

Нормативное закрепление правового статуса человека создает гарантии реализации прав и свобод, обозначает правовое положение в обществе и государстве, очерчивает границы возможностей. Дети помимо общего правого статуса имеют и специальный, обусловленный особенностями их психофизиологического развития, а также необходимостью повышенных мер защиты в связи с невозможностью самостоятельно реализовывать и отстаивать свои права. В современной российском государстве эти положения в полной мере реализованы в текущем законодательстве, причем дети-сирот пользуются дополнительными государственными гарантиями в связи с отсутствием родителей. Вопросы правового регулирования детства является актуальным направлением исследований и разрабатывается кафедрой теории и истории Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы длительный период. За это время автором кафедры подготовлен ряд работ, посвященных правовой политике государства в отношении несовершеннолетних[1], анализу особенностей правового статуса ребенка[2], изучению регионального исторического опыта в этой сфере[3], участию Церкви в призрении, воспитании и исправлении несовершеннолетних[4]. Дальнейшая работа в рамках представленной тематики направлена на углубленное изучение специфических аспектов правового регулирования детства, что позволит учесть отечественный исторический опыт при разработке нормативно-правовых актов. Представленная статья посвящена особой категории детей, ограниченных государством в правах по сравнению с детьми-сиротами и детьми, из полных семей.

Правовое положение незаконнорожденных детей в России XIX – начала XX века было особым. Русский цивилист Д.И. Мейер отмечает, что значение рождения законного или незаконного в высшей степени важно для юридического положения физического лица. Тогда как дети законнорожденные пользуются правами состояния отца, носят его фамилию, имеют права наследования в имуществе своих родителей и других родственников, состоят в семейственном союзе с ними, дети незаконнорожденные представляются в мире одинокими, чужими всем[5]. Незаконнорожденный считался вне семьи и рода, он не мог наследовать в родовом имуществе.

Общество относилось к детям, рожденным вне законного брака, отрицательно. С.К. Жиляева пишет: «Жребий их был хуже сиротского. По тогдашним законам, незаконнорожденным – «зазорным» детям, даже если потом их родители были венчаны и других детей у них не было, ничего оставить было нельзя: ни земли, ни дома, ни сословной принадлежности. «Никто, ничто и звать никак». Потому такие дети или не рождались даже – их «вытравливали», или подкидывали, или ... просто выбрасывали. Мать без мужа с «зазорным дитем» сама становилась зазорной, а дитя – человеком без будущего»[6]. Народ награждал незаконнорожденного ребенка обидными, оскорбительными прозвищами – выблядок, выгонок, гулявый, пригульный, ублюдок, семибатькович.

В языческий период правовой разницы между детьми, прижитыми в браке или вне его, не существовало, да и сам институт брака был несколько иным, допуская, к примеру, многоженство. Принятие христианства оказало влияние на разграничение прав законных и незаконнорожден-

ных детей, так как последние происходили, по уверению Церкви, от союза преступного и допускаемого только языческой религией. Церковные правила о внебрачных детях проникали в жизнь постепенно, исподволь, вместе с христианской моралью. Дела о незаконнорожденных детях долгие века были прерогативой Церкви, духовенства, даже в Соборном уложении 1649 года подобные коллизии советовалось разрешать по правилам апостолов и святых отцов[7]. Вообще Соборное уложение — первое узаконение, заложившее строгое различие между законными и незаконными детьми, лишившее их отца, ликвидировавшее народный обычай «привенчивания» таких детей.

При Петре I подведомственность дел о законных детях переходит от Церкви к светским властям и нормы светского права уступают место светским законам. В основном проблемы с незаконнорожденными детьми решались казуальным путем. Например, незаконнорожденные дети из беднейших слоев, бродящие и просящие милостыню, отдавались «всякого чина людям, имеющим деревни» либо фабрики и заводы[8]. В 1744 году Сенат определил: «незаконнорожденных записывать за теми людьми, кем они воспитаны, и быть у них вечно и равно как крепостные» [9]. По ходатайству лиц дворянского происхождения иногда в виде Высочайшего соизволения или сенатского указа бывали случаи признания ребенка законным и передачи ему прав состояния[10].

Таким образом, к середине XIX века сложилось и юридически закрепилось отношение к незаконнорожденным детям, к которым причислялись все родившиеся вне законного (церковного) брака или недействительного брака, сохранялся старый принцип, что незаконные дети следуют состоянию матери, исключение составляли незаконные дети дворянок, которым не давался дворянский статус, хотя иногда встречались исключения по собой императорской милости.

Понятно, что о юридических отношениях незаконнорожденных детей к отцу и его родственникам в тот период не могло быть речи, ибо отец их неизвестен или, по крайней мере, юридически игнорируется. Однако российское законодательство XIX века признавало за незаконнорожденными детьми по отношению к их естественному отцу право на получение от него содержания в случае, если мать не имела средств. Но и по отношению к матери и ее родственникам наше законодательство не уравнивало незаконнорожденных детей с законнорожденными. Так, имущественные отношения незаконнорожденных детей и матери ограничивались правом ребенка на получение содержания от матери и обязательством призрения ее во время старости, но не давали незаконнорожденным детям права наследования в имуществе матери и ее родственников, и обратно. В отношении права состояния незаконнорожденных детей Д.И. Мейер указывает: «Права состояния матери по нашему законодательству действительно оказывают некоторое влияние на права незаконнорожденного дитяти, но только то влияние, что эти права матери в городском и сельском состоянии сообщаются и незаконнорожденному дитяти; все же дети, незаконно рожденные женщинами других состояний, причисляются к городскому или сельскому сословию без дальнейшего различия состояния матерей» [11].

Влияние обстоятельства незаконного рождения неодинаково для разных категорий детей. И тем сильнее проявляются его негативные аспекты,

чем выше правовой статус матери незаконного ребенка. Например, незаконнорожденные дети матерей-дворянок попадали в состояние худшее против положения их матерей, тогда как незаконнорожденные дети матерей других сословий подобного лишения не испытывали.

Обращение незаконнорожденного в законнорожденного было возможно путем его узаконения при условии брака родителей (legitimatio per subsequens matrimonium). До 1829 г. в России позволено было родителям незаконнорожденных детей, вступив в брак, обращаться к верховной власти с просьбой о сопричислении незаконных детей их к законным; верховная власть по своему усмотрению соизволяла или отказывала, но обыкновенно соизволяла сопричисление незаконных детей к законным. Например, в Орловском областном архиве сохранились подобные дела. Так, в 1809 году незаконнорожденным детям майора Брянского мушкетерского полка Кузьменкова Высочайшим повелением дозволено было принять его фамилию и вступить во все права и преимущества по роду и наследию, принадлежащие законным детям[12]. А с 1829 г. запрещено было даже обращаться к верховной власти с просьбой о сопричислении незаконных детей к законным. Но, разумеется, по исключению, с соизволения верховной власти, незаконнорожденные дети могли получать права детей законнорожденных. В 1891 г. вопрос об узаконении вступил в новый этап, оно вновь было признано законом.

К концу XIX века в российском обществе и государственно-правовой мысли утвердилось в целом негативное отношение к ущемленному и униженному правовому положению незаконнорожденных детей. Активное обсуждение проблем незаконнорожденности началось еще в 80-х годах XIX века. Выражая свою позицию к законодательному умалению прав незаконнорожденных детей, Д.И. Мейер писал: «Общественное мнение нередко ставит в укор лицу его незаконное рождение. Но это показывает только неразвитость общественного мнения: образованный человек в незаконном рождении лица не найдет ничего предосудительного, ибо лицо это нисколько не повинно в заблуждении, вызвавшем его существование. И ни одно образованное законодательство не допускает наказания невинного за преступления другого лица» [13].

Озабоченность данной проблемой официально выразил Государственный совет в 1880 году, указав, что «незаконнорожденные, ... сохраняя всю жизнь неизгладимое пятно своего происхождения, ... естественно способны умножить число недовольных существующим общественным строем, а следовательно, и Правительством» [14].

Василий Розанов, занимавшийся семейным вопросом в России, высказывался за гуманное отношение таким детям. В частности, он писал: «До сих пор практиковалось отношение совершенного игнорирования: долголетние и совершенно счастливые семьи признавались несуществующими; дети, в них рождающиеся, не получали имени родителей своих и считались «неизвестно от кого рожденными». При наличности тут же обоих родителей, нежно заботящихся о своих детях, это игнорирование имело и имеет характер более странности, чем действительного значения. ... Нельзя у отца отнимать детей, нельзя у матери отнимать детей, когда они оба тут же и радуются на своих детей. Этого нельзя делать, и, повторяем, не по одной филантропии, но и потому, что это глубоко потрясает всю мысль брака. Христос погасил бы

хотя одно рождающееся дитя?! И отделил бы это дитя — от родителей?!»[15]. Количество незаконнорожденных детей в рассматриваемый период было значительным; в Петербурге одна треть из общего числа всех рождающихся оказалась незаконными, процент слишком огромный, чтобы он мог быть проигнорирован.

Итогом многолетних обсуждений и дискуссий как в среде российской общественности, так и в официальных кругах стало подписание Николаем II Закона «Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей» [16], получившего в обиходе название «амнистии незаконнорожденности». Одним из наиболее значимых нововведений закона стало признание законными детей, рожденных от недействительных браков, то есть браков, совершенных с нарушением условий и препятствий для их заключения [17]. При этом был отменен уже упомянутый запрет на узаконение детей, произошедших от прелюбодеяния, путем заключения брака между родителями. Теперь в законе употреблялся термин «внебрачные дети». И хотя такая формулировка была несколько мягче, чем прежняя — «незаконные», тем не менее в корне ситуации не меняла, подчеркивая неполноценность правового и социального статуса таких детей, их отличие от рожденных в браке.

Новый закон также предоставлял возможность присвоения ребенку фамилии матери с согласия последней и отца, если он находился в живых. Таким образом, дети эти переставали быть «незнаемо» чьими. Ранее отсутствие права незаконных детей на фамилию отца или матери влекло за собой необходимость давать детям «прозвище» по имени восприемника, нередко выдававшее их происхождение. До достижения совершеннолетия, влекущего официальную приписку к праву состояния, у незаконнорожденного вообще не было ни фамилии, ни отчества [18].

Предоставление внебрачным детям права на фамилию матери было весьма значимым улучшением их положения, поскольку юридически устанавливало связь между ними, очищало нечистоту незаконного ребенка и признавало за ним право на полноценное участие в семейных отношениях. В наследственные правопритязания внебрачного ребенка было включено благоприобретенное имущество матери[19]. В семьях дворян эта норма была практически бесполезной, поскольку значительную долю собственности составляло родовое имущество. На имущество отца дети по-прежнему прав не имели. Алиментные обязательства отца по отношению к внебрачным детям носили субсидиарный и вспомогательный характер, поскольку обязанность предоставить средства на содержание внебрачного ребенка у отца возникала только в случае отсутствия или недостаточности таких средств у матери.

В результате проведенного исследования выявлено, что улучшение правового положения внебрачных детей в начале XX века свидетельствует о начале процесса демократизации отношения общества и государства к ребенку, рожденному вне брака. Ранее действовавшие ригористические принципы законности рождения ребенка трансформируются в более мягкие, терпимые к внебрачным детям. Законодатель и правоприменительная практика начинают отдавать предпочтение критериям блага детей. Однако всю полноту прав законных детей внебрачные так и не получили.

Проведенный комплексный историко-правовой анализ позволил про-

следить общегосударственные тенденции правового регулирования положения незаконнорожденных детей в России XIX — нач. XX выявить отношение общества детям, рожденным вне брака, установить роль Церкви как института гражданского общества, оказывающего поддержку в реализации социальной функции государства. Полученные результаты позволят разработать более адаптивные нормативные акты и механизм их реализации с учетом историко-культурных традиций российского государства в целом и опыта субъектов центрального федерального округа.

Библиография/References

ПСЗРИ. Собрание — 1. Т. XII. № 9012; 9013.

ПСЗРИ. Собрание — 3. 1902. Т. XXII. От. 1. № 21566. Ст. 131. Спб., 1904. С. 492.

ГАОО. Фонд №4. Опись 1. Д. 2226. Год 1809.

Галай Ю.Г. Правовое положение незаконнорожденных детей в России XVII XVIII столетий // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2012. — № 19. — С. 6 — 9.

Жиляева С.К. Становление и развитие органов борьбы с детской беспризорностью и преступностью в дореволюционной России: Монография. Орел: ОрЮИ. 2009. — 98 с.

Кущеев С.Ю. Амнистия незаконнорожденности в Российской империи (к вопросу о роли Закона от 3 июня 1902 г. «Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей») // Теория и практика общественного развития. №11. С. 216 sМатвеева Е.С. (2013) Историко-правовые аспекты становления российской пенитенциарной практики монастырей во II половине XIX — начале XX века// Казанская наука. — 2012. — № 11. — С. 55—58.

Мейер Д.И. Русское гражданское право. В 2-х ч. Часть 1. М.: Статут. (Классика российской цивилистики). По испр. и доп. 8-му изд., 1902. Изд. 2-е, испр. 2000.

Ошанин М. О призрении покинутых детей. Ярославль. 1912.

Розанов В.В. Важная забота церкви. Новое Время. 1899, сентябрь.

Селютина Е.Н. Государственная правовая политика в отношении сирот в России: исторический опыт и современное состояние//Среднерусский вестник общественных наук. — 2014. — №6 (36). — С. 182—190;

Селютина Е.Н. Правовой статус ребенка как юридическая категория: понятие, структура, специальная правосубъектность//Вестник государственного и муниципального управления. — 2014. — № 2—1. — С. 87—93.

Селютина Е.Н. Создание и деятельность учреждений ведомства императрицы Марии Федоровны по призрению детей в Орловской губернии середины XIX начала XX вв.//Ученые записки Орловского государственного университета. — 2014. — № 1. —С. 331—335.

Селютина Е.Н. Формирование государственной правовой политики Российской империи по призрению несовершеннолетних в XVIII — XIX вв.// Среднерусский вестник общественных наук. — 2014. — № 1. — С. 152—156.

PSZRI. Meeting — 1. T. XII. No. 9012; 9013.

PSZRI. Meeting — 3. 1902. T. XXII. From. 1. No. 21566. Art. 131. SPb., 1904. Page 492.

GAOO. Fund No. 4. Inventory 1. 2226. Year 1809.

Galay, YU.G. (2012) A legal status of illegitimate children in Russia XVII of the XVIII centuries//the Bulletin of the Ministry of Internal Affairs Nizhny

Novgorod academy of Russia. No. 19. P. 6 — 9.

Zhilyaeva, S. K. (2009) Formation and development of bodies of fight against children's homelessness and crime in pre-revolutionary Russia: Monograph. Orel: ORYuI, 98 p.

Kushcheev, S.Yu. (2012) Amnesty of a base blood in the Russian Empire (to a question of the Law role of June 3, 1902. "About the approval of rules about improvement of position of illegitimate children")//the Theory and practice of social development. No. 11. P. 216 — 219.

Matveeva, E.S. (2013) Historical and legal aspects of formation of the Russian penitentiary practice of monasteries in the II half of XIX — the beginning of the XX century//the Kazan science. No. 11. P. 55—58.

Meyer, D. I. (2000) Russian civil law. In 2 h. Part 1. M.: Statute. (Classics of the Russian civil law). 8th prod., 1902. Prod. the 2nd.

Oshanin, M. (1912) O contempt of the abandoned children. Yaroslavl.

Rose trees of B.B. (1899) Important care of church. Modern times. 1899, September.

Selyutina, E.N. (2014) The state legal policy concerning orphans in Russia: historical experience and current state//Central Russian Journal of social sciences. No. 6 (36). P. 182—190;

Selyutina, E.N. (2014) Legal status of the child as legal category: concept, structure, special right subjectivity// Journal of Public and Municipal Administration. No. 2—1. P. 87—93.

Selyutina, E.N. (2014) Creation and activities of establishments of department of the empress Maria Fiodorovna for contempt of children in the Oryol province of the middle of the XIX beginning of the XX centuries//Scientific notes of the Oryol state university. No. 1. P. 331—335.

Selyutina, E.N. (2014) Formation of the state legal policy of the Russian Empire on contempt of minors in the XVIII-XIX centuries//the Central Russian Journal of social sciences. 2014. No. 1. P.152—156.

[1] Селютина Е.Н. Государственная правовая политика в отношении сирот в России: исторический опыт и современное состояние//Среднерусский вестник общественных наук. 2014. №6 (36). С. 182—190; Селютина Е.Н. Формирование государственной правовой политики Российской империи по призрению несовершеннолетних в XVIII — XIX вв.//Среднерусский вестник общественных наук. 2014. №1. С. 152—156.

[2] Селютина Е.Н. Правовой статус ребенка как юридическая категория: понятие, структура, специальная правосубъектность//Вестник государственного и муниципального управления. 2014. № 2—1. С. 87—93.

[3] Селютина Е.Н. Создание и деятельность учреждений ведомства императрицы Марии Федоровны по призрению детей в Орловской губернии середины XIX начала XX вв.//Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. №1. С. 331—335.

[4] Матвеева Е.С. Историко-правовые аспекты становления российской пенитенциарной практики монастырей во II половине XIX — начале XX века// Казанская наука. 2013. № 11. С. 55—58.

[5] Мейер Д.И. Русское гражданское право. В 2-х ч. Часть 1. М.: Статут, 2000. (Классика российской цивилистики). По испр. и доп. 8-му изд., 1902. Изд. 2-е, испр. С. 241.

[6] Жиляева С.К. Становление и развитие органов борьбы с детской беспризорностью и преступностью в дореволюционной России: Монография. Орел: ОрЮИ, 2009. С. 52.

[7] Галай Ю.Г. Правовое положение незаконнорожденных детей в России XVII s8 Галай Ю.Г. Указ. соч. С. 8.

[9] ПСЗРИ. Собрание — 1. Т. XII. № 9012; 9013.

[10] Галай Ю.Г. Указ.соч. С. 9.

[11] Мейер Д.И. Указ.соч. С. 242.

[12] ГАОО. Фонд №4. Опись 1. Д. 2226. Год 1809.

[13] Мейер Д.И. Указ.соч. С. 242.

[14] Ошанин М. О призрении покинутых детей. Ярославль, 1912. С. 12.

[15] Розанов В.В. Важная забота церкви. Новое Время. 1899, сентябрь.

[16] ПСЗРИ. Собрание — 3. 1902. Т. XXII. От. 1. № 21566. Спб., 1904. С. 492 s17 ПСЗРИ. Собрание — 3. 1902. Т. XXII. От. 1. № 21566. Ст. 131. Спб., 1904. С. 492.

[18] Кущеев С.Ю. Амнистия незаконнорожденности в Российской империи (к вопросу о роли Закона от 3 июня 1902 г. «Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей») // Теория и практика общественного развития. 2012, №11. С. 217 s19 ПСЗРИ. Собрание — 3. 1902. Т. XXII. От. 1. № 21566. Ст. 132. Спб., 1904. С. 494.

Селютина Елена Николаевна — Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Орловский филиал, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права (Российская Федерация, г. Орел)

Selyutina Elena — Candidate of Juridical Sciences, Docent, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation, Orel